

НАША СТРАНА

Год издания 69-й. Буэнос Айрес, 3 декабря 2016

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 3 de diciembre de 2016 No. 3050

УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Предисловие ко книге Г. М. Солдатова о Джорданвилле

Георгий Михайлович Солдатов

Джорданвилль. Невзрачный американский населённый пункт, без души, без истории, без прошлого. Одним словом — американская дыра. А тем не менее на весь мир известный городок, одними с уважением производимый, а другими и ненавидимый... Каким чудом удалось этому местечку выйти из той серой анонимности, в которой оно ещё пребывало в первые десятилетия двадцатого века и из которой, казалось бы, никогда не должно было выйти?

Только тем, что в один прекрасный день два русских скромных и даже малограмотных монаха, горящих русской православной верой, решили в этом захолустье повторить, продолжить то самое чудо русской истории, о котором так сильно и вдохновенно писал и говорил незабвенный архимандрит Константин (Зайцев).

Об этом чуде и речь в этих воспоминаниях сотрудника "НС".

В предлагаемом читателю труде, Георгий Михайлович Солдатов, бывший семинарист и питомец этого уголка Святой Руси, оставшийся до конца своей жизни непреклонно верным идеалам, на которых воспитывался у наших великих Святителей и Отцов, открывает здесь своё сердце и свою память о пережитом им в этом удивительном, уникальном явлении, каковым был наш РУССКИЙ, Православный, Белый, Зарубежный Джорданвилль.

В преклонном уже возрасте Г. М. Солдатов решил поделиться этим сокровищем. Поделиться, ибо, как нам кажется, такого труда вообще ещё не было, а пробел этот необходимо, и не откладывая, восполнить. На самом деле, много ли осталось истинных и честных свидетелей того явления, каковым был наш ДЖОРДАНВИЛЛЬ — слово, которое мы продолжаем произносить с оправданной гордостью, несмотря на то, что былая слава его, после невероятных предательских церковных событий начала двухтысячного года, не то, что притушилась, а просто на сегодня исчезла?

Да, увы, вполне оправдано заглавие этого труда — «Разгром Джорданвилля».

На самом деле — во что превратилась эта Всезарубежная Лавра, как многие её именовали?

Джорданвилль был знаменем Русской Зарубежной Церкви, был духовной скалой, на которую весь православный мир оглядывался и к которой прислушивались, даже те, кто официально не признавал нашу Церковь, но тем не менее знал, что именно она даёт верный православный диапазон.

Это о духовном, исповедническом значении нашей Церкви и её главной цитадели. Но сие стало возможным только благодаря тем совершенно редким личностям, которые в течение трёх поколений с молитвой и слезами создавали Джорданвилль и которых тут Георгий Михайлович своим художественным пером упоминает в нескольких умильных штрихах.

Преклонимся перед подвигом совершенным этими пламенными духовными тружениками!

Подумать только: горстка людей утоляла духовный голод православного народа в жуткое советское время. Когда официальная Церковь занималась там подхалимством к безбожной власти, то вся церковная и богослужебная литература, как из рога изобилия, безвозмездно шла из Джорданвилля!

И до сих пор — джорданвилльский служебник многими хранится, как некое сокровище того времени.

А что видим сегодня? Печатные станки замолкли, а в монастырском магазине повально продаются патриархийные издания, среди которых изобилуют и репринтные зарубежные книги, порою кощунственно “подправленные” в духе современной политики, как в частности «Чудо Русской Истории» архимандрита Константина...

Весь монастырь вместе с семинарией жил одной жизнью, никто не гнушался чёрной работой, будь то в полях, на кухне и т. д. Именно это должно больше всего удивлять людей, выросших на нашей исторической родине: до того это кажется невероятным по сравнению

с тем, что наблюдаем не только в церковной действительности пост-советской России, но и в самом сегодняшнем Джорданвилле.

Вспоминается нам рассказ одного молодого человека, прибывшего “оттуда” по приглашению приснопамятного Митрополита Виталия.

Сидит он за митрополичьим столом, и вдруг, сидевший рядом архимандрит встает, идёт на кухню и подаёт ему суп. «Я чуть не лопнул от стыда — мне, “советской шпане”, подаёт архимандрит! Я постарался себе представить такую картину в патриархии!».

Да, есть чему учиться: в Зарубежной Церкви жили ради Церкви, для Церкви, а не от неё, за счёт неё. Немалая разница. Своего рода обратная перспектива...

Кто хочет ближе ознакомиться с особым Зарубежным духом несомненно прочтёт на одном дыхании эти воспоминания о великом джорданвилльском прошлом, с любовью и талантом изложенные Г. М. Солдатовым.

Сердечно поблагодарим его за то, что он для некоторых воскрешает в памяти целый ряд редких личностей, каковых сегодня не отыскать, а других ознакомляет с этим великим прошлым.

Остаётся нам провозгласить вечную память и выразить сыновнюю благодарность основателям монастыря, отцам Пантелеймону и Иосифу, жемчужинам Православия Архиепископам Виталию и Аверкию, белому летописцу архимандриту Константину, возродителю традиционной иконописи архимандриту Киприану, строгому историку Н. Д. Тальбергу, профессорам И. М. Андрееву и И. М. Концевичу, протопресвитеру Михаилу Помазанскому, архимандритам Сергию и Владимиру и всем тем знатным и незнатным, коих имена не перечислить, но заслуживающим не меньшую нашу признательность!

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

Джорданвилль, Троица 1985. Редактор "НС" с доцентом семинарии, власовцем, протоиереем Моисеем Тарасевичем и двумя семинаристами из Аргентины. Слева - о. Павел Ивашевич (остался верен РПЦЗ). Справа - о. Ярослав Великов (переметнулся в МП).

ЛИЦО ЭРЕФИИ

Зрелище, надо признать, мало симпатичное, но весьма красноречивое - человек (человек ли?), как он есть.

Это лицо Эрефии, то есть - эрефийцев, совков - показательный результат форсированного советского “этногенеза” - разрушения исторической социальной иерархии, иначе говоря, антропологической катастрофы.

Исток этой катастрофы - роковые февральские дни 1917 года. Именно тогда произошло то, допускать чего нельзя было ни в коем случае - победил бунт.

*Против этого бунта надлежало применить **любые** возможные средства. Так, например, министр Торговли и Промышленности князь В. Н. Шаховской советовал бомбить с воздуха Гаврический дворец. Безусловно - стрелять из пушек картечью по толпе; и из тех самых “пулемётов”, о которых мечтал В. В. Шульгин, видя солдатское море, заполонившее Гаврицкий сад, и использование которых, увы, напрасно приписывали несчастному А. Д. Протопопову.*

Всё - тогда, отсюда. В том числе и эта физиономия, совершенно невозможная в нормальной России в качестве “лица государства”.

А что теперь? Улицы кишат путинными всех возрастов. На каждом шагу - путин. Только рукой махнуть и зажмуриться... (Заглядывающим сюда путинфилам-службистам разъясняю, что Путин здесь рассматривается не сам по себе, а как симптом болезни, как частное её проявление, причины же недуга уходят корнями в довольно уже отдалённое прошлое.)

А откуда эти люди взялись? Кто они генеалогически? Интернационал лихих людей?

Какова генеалогия бандитов у власти, целой их системы, “культуры”? Причём бандитов не рядовых, а смыслённых, которые потом стали “учить языки” и прочее. Такое впечатление, что в России, действительно, существовало огромное подполье, из которого всё и вылезло, когда стало можно.

Пора покончить с нелепым

ПОХОЖДЕНИЯ РУССКИХ НА ГАВАЯХ

расшаркиванием о «нежелании оскорблять советский период, который тоже есть часть русской истории». Нет, это – разрыв с русской историей, прорыв дикости в неё, сваливание с исторического пути в смрадную ямину. Ничего иного, кроме брезгливости и отвращения, он не заслуживает, прах его надо отряхнуть с ног – но, конечно, не забывая, а, напротив, тщательно изучать, по возможности *sine ira et studio*.

Чтобы понять Владимира Путина необходимо поместить его в рамки соответствующей ему понятийной системы: он то, что русские называют совок, “советский пацан”, человек старого Советского Союза, продукт “Системы”.

А существует близкая и понятная Западу, но потому и дезинформирующая концепция Путина – гедониста и плутократа-глобалиста, в истинность которой очень долго верили, забыв о том, что чекисты верить нельзя ни в чём. Необходимо внести уголовный корректив в попытку дать объяснение Путину лишь как фрустрированного совка. Да, он фрустрированный совок, но также гедист и уголовник-гедонист в одном лице. Довольно тяжёлый коктейль, надо заметить. Но что ещё хуже, эта смесь вполне адекватна управляемому им “народу”, в значительной мере состоящему из фрустрированных советских мужиков и уголовных и полуголовных пацанов, для которых Путин – чёткая и понятная проекция их невыразимых, по причине кататрофически низкого уровня культуры, но истинных глубинных стремлений, их понимания жизненных целей и успеха.

Но это всё не главное. Главное это вопрос, как нынешняя ситуация разрешится, во что выльется. И тут большая неопределённость. Хотя, экстраполируя то, что уже было за последнюю четверть века, с известной уверенностью можно принять в качестве рабочей версии предположение о медленном, stagnирующем догнивании в течение ещё нескольких лет, за которым последует какая-нибудь новая “перестройка”. Слом подобного сценария, торжество настоящей динамики представляются чем-то таким, чего быть уже не может, самая возможность чего осталась в прошлом.

Теперь ещё появился Трамп. Современные «партнёры по переговорам» двух сверхдержав вызывают насмешку, брезгливость, недоумение, страх. Вызывает сомнение сама их принадлежность к роду человеческому. Про Путина же не хочется повторяться – глава пацаната Чекистан. Но и Трамп не сильно лучше – он просто вынужден тщательнее за собой следить, поскольку зависим от среды на порядок больше, чем Путин.

В целом же они стоят друг друга, хотя поля созревания двух этих ягод сильно различались.

На этом фоне смерть Фиделя – новость, безусловно, хорошая. Но за ней грядут новости плохие: городские власти теперь повсюду в РФ начнут называть его именем улицы и площади, установив памятник. Так что, увы, не избежать русскому населению очередного истукана и очередной топонимической лепёхи.

М. Красенский

16 лет назад я посетил остров Кауаи, часть Гавайского архипелага. От библиотекаря на острове мне стало известно, что в парке Вайлуа находится наследница из дома бывших местных королей. Одевшись более прилично, чем обычный на острове турист, в брюках, белой рубашке и галстуке, я направился в поселок, где мне указали на домик, окруженный красивыми клумбами цветов.

Около маленького фонтанчика я увидел женщину, возмущенную цветами, и обратился к ней, назвав её Ваше Величество. Дама приятно улыбнулась и сказала, что она не Величество, а принцесса в доме, и она обо мне ей скажет.

Мне не пришлось долго ждать. Я вошёл в чистую комнату с массой цветов на столе, у окон, и везде где их можно было поставить. На полу был постлан бамбуковый ковер. На стенах было несколько картинок с птицами. В кресле сидела неопределённых лет дама, одетая в странного покроя летний костюм, чем-то похожий на гриб. Сей материал мне напомнил материю, употребляющуюся на дорогой мебели или на стенных обоях. На голове и плечах у неё была накладка – настольно незаметная, что казалась паутиной. На её ногах были туфельки, напоминавшие мне картинки из сказок тысячи и одной ночи.

В руках у неё была какая-то книга, но мне и так и не удалось рассмотреть название. На пальце правой руки было маленькое колечко с красным камешком, а на шее маленькие белые бусы. Глаза и брови её были бесподобные, чёрные, красивые.

Улыбнувшись, она указала мне сесть на стул, и спросила по какой причине я пришёл к ней. Назвав её на английском языке *королевой* ответил, что я русский и интересуюсь историей пребывания моих соотечественников на Гавайских островах. Она снова приветливо улыбнулась и, взяв в руки колокольчик, позвонила.

Пришедшей девочке она что-то сказала на местном языке, и та, не поворачиваясь спиной, попятилась из комнаты. Она вернулась в неё через несколько минут, с подносом, на котором было две чашки с чаем.

Дама, будем её в дальнейшем называть *королевой*, поскольку мне не удалось задаваемыми мной вопросами, установить её титул, начала без эмоций свой рассказ, который продолжался более часа.

Оказывается она читала книги разных русских писателей, назвав мне Толстого и Достоевского.

Один русский, сказала она, женился на «девочке» из их семейства. С главного острова Гавайев прибыл на Кауаи русский доктор, который быстро вылечил жену короля и начал лечить других больных членов семейства. На мой вопрос, чем они были больны, она ответила, что не знает, но что доктор вылечил больных и этим произвёл на всех большое впечатление.

Король решил всеми способами задержать доктора в своем окружении и назначил его на какую-то должность, подарив ему земли в долине на острове. Корабль, привезший доктора уехал, и через пару месяцев вернулся с алеутами. Корабль привозил новых людей несколько раз, и они строили крепости для защиты острова от нападения войска главного короля, которому не захотел более

подчиняться король Кауаи. В крепостях построили домики, укрепили пушки и все были довольны, а более всех король, особенно когда ему показывали стрельбу из них. Доктор проводил часто свои дни с королем и обещал ему, что на остров приедут русские солдаты и будет построен около крепости мост, к которому смогут причаливать корабли. Как говорил доктор, с острова будут вывозиться продукты и фрукты, и привозиться все необходимое для короля, его семьи и жителей. Кораблей будет много, говорил доктор, так как они будут приплывать с Аляски, из русских городов в Азии, из Калифорнии и даже из русской столицы.

Король был в восторге и с нетерпением ждал, когда начнут приходить со всем обещаемым русские корабли. Однако вскоре русские, которые были на острове, по какой-то причине его покинули и остались только доктор и алеуты. Король был очень этим опечален, опасаясь нападения на остров войска главного короля, но надеясь на пушки установленные русскими в крепостях. Я спросил королеву, были ли с алеутами также их жены, но она этого не знала. К острову, время от времени, приходили бостонские китоловные корабли, которых король и местные жители очень боялись, так как моряки всегда были пьяны, обижали местных жителей, забирая у них всё, что им нравилось. Каждый раз после жалоб жителей король спрашивал доктора о том, где же для защиты острова русские солдаты, которых ему обещали. Американцы, когда им говорили о том, что скоро приедут русские солдаты смеялись и говорили, что русские заняты танцами и не приедут.

Наконец на остров приехали несколько американцев и с ними большая группа воинов корабля с главного острова. Алеуты и доктор без боя бросили всё имущество в крепостях, и уехали на кораблях и лодках, оставив на расправу короля и его семейство.

Королева показала мне свои две рукописные на церковно-славянском языке книги: молитвенник и Евангелие. Несколько страниц я сфотографировал. Окончив свое повествование, дама спросила меня, как мне нравится королевство. Я сказал, что остров мне напоминает рай, в который я мечтал бы попасть. Она была довольна моим ответом и посоветовала обязательно пойти на гору «Спящего Великана»... если я храбрый, – добавила она, – улыбаясь также на вершину горы Ваиалеале, где надо бросить цветок в стекающий с горы поток, что должно мне принести счастье.

Поблагодарив королеву за чай и интересный рассказ, я поцеловал на прощание её руку. Она позвонила в колокольчик и, следуя примеру девочки, я выпятился из комнаты.

На следующий день мы с супругой засели в местной библиотеке, а затем в музее, стараясь собрать все сведения о русских на острове. Материала оказалось много, и в результате, после приезда домой в Миннеаполис, я собрал всё, что у меня было о русских на Гавайских островах, добавив то, что раньше мне прислал Архимандрит Августин, профессор истории Санкт-Петербургской Духовной Академии. Уже ранее я опубликовал с благословения Митрополита Феодосия в количестве 150 копий

три книги о русско-американских духовных контактах, и мы вдвоём запланировали выпустить еще несколько книг по истории русской Церкви в США. В этой работе был очень заинтересован глава Американской Православной Церкви (АПЦ). Мне удалось вскоре опубликовать тиражом в 50 экземпляров имеющую 143 страницы книгу “Гавайские острова и Россия”. Теперь она есть и при моём электронном журнале “Верность”.

Самое печальное, что мной было обнаружено в архивах и прессе – это информация о тех потерянных возможностях, которые были предложены в начале прошлого столетия русским переселенцам на Гавайи. Русские не понимали почему американцы делали всё возможное для переселения русских из Сибири и Манчжурии на Гавайский архипелаг. Американцы желали, чтобы на острова, согласно решению правительства архипелага, переселялись белые люди, а не цветные. На острове Кауаи было предложено русским молоканам прекрасное место, и через пару десятилетий переселенцы обладали бы благами, о которых можно было только мечтать. Вместо этого, они начали протестовать, предъявляя американцам различные требования. Американцы хотели переселить десятки тысяч русских на острова, но произошли одно за другим несколько недоразумений.

Русские не знали английский язык, а американцы русский, что вызывало конфликты. В моей книге указано количество прибывавших на острова русских и уезжавших в Калифорнию и другие места. Рассказано о тюремном заключении иных русских организаторов протестов и о предъявлявшихся ими требованиях.

В 1988 году была выпущена позолоченная медаль с изображением плана крепости Императрицы Елизаветы, с датой 1816 год. На обратной стороне – герб РАК (Русско-Американская Компания) двуглавый орел и надписи на русском и английском языке.

Местным историческим музеем острова Кауаи были проведены собрания и сделаны доклады об итогах изучения русских фортов и истории РАК. Результаты этой деятельности заключены в папках, занимающих приблизительно 60 сантиметров толщины. В этих архивах острова Кауаи работали историки из СССР и РФ. В моей книге помещены также кое-какие найденные сведения в архивах АПЦ и библиотеке американского Конгресса. К большому сожалению, многие материалы о русских на Гавайях были уничтожены во время “холодной войны”. Уничтоженные материалы, как мне удалось установить из разговора со священником на островах, заключали сведения о русской церкви и школе в Гонулулу, переписку духовенства, отчётные книги, дневники и списки русских жителей на островах. В моей книге – фотоснимки чернотельные (не все были использованы). У меня имеются и цветные оригиналы. Ко книге приложены неопубликованные прежде важные документы и переписка, касающиеся русских на Гавайских островах.

Г. М. Солдатов

Мария Кублицкая

ХРАНИЛИЩЕ РУССКИХ КНИГ И ПРЕССЫ В ГОНОЛУЛУ

Российской Государственной Библиотекой в Москве в 2015-2016 годах издан 4-хтомный Каталог собрания Библиотеки имени Гамальтона Гавайского Университета: “Русская печать в Азиатско-Тихоокеанском регионе”. Составитель Патриция Полански, русский библиограф этой библиотеки; редактор Амир Хисамутдинов – заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной Научной Библиотеки Дальневосточного отделения Российской Академии Наук.

Странно на наш непросвещенный взгляд – на экзотическом острове в Тихом океане, под пальмами и жгучим солнцем – на протяжении многих лет невысокая женщина с молодыми ярко-синими глазами скрупулезно и внимательно отбирала в отдельную коллекцию и хранила, описывала, запрашивала в дар и приобретала на аукционах по всему миру – русские эмигрантские издания. Амир Александрович летал из Владивостока на Гавайи в командировки, редактировал, переводил, изучал, копировал – и рассказывал два года назад, в свой короткий приезд в Буэнос-Айрес, что проводил в книгохранилище целые дни в теплой куртке (там поддерживается специальный температурный режим) и не имел времени даже дойти до пляжа или прогуляться по Гонолулу.

Каталог создан учеными-фанатиками, энтузиастами, влюбленными в русскую эмигрантскую книгу. Описано не только каждое издание (в подаренных нам авторами трех томах – четвертый скоро выходит из печати – более 1500 наименований книг, брошюр, листовок, газет и журналов), но и тщательно зафиксированы все автографы, дарственные надписи, штампы библиотек, что, наряду с биографическими справками об авторах, делает чтение увлекательным.

Почему же именно на Гавайях образовалось такое уникальное русской книжное собрание, не уступающее собраниям Гувейского Института и Калифорнийского Университета в США? В предисловии А. А. Хисамутдинов отвечает на этот вопрос. В начале 20 века сотни русских работали там на сахарных плантациях. Их дети поступали в школы и в университет. Обосновались на Гавайях и немногочисленные белые эмигранты. После Второй Мировой войны русские массово бежали из Китая и Маньчжурии, ждали виз в Австралию, США и Южную Америку на Филиппинах (остров Тубабао)... Таким обра-

зом, библиотека Гавайского Университета, оказавшаяся “на перекрестке путей”, пополнялась русскими книгами и периодическими изданиями из Китая, Японии, Австралии, с Тихоокеанского побережья Штатов и из стран Южной Америки.

Первый том каталога содержит сведения о русских книгах, листовках и брошюрах, изданных в Китае – в Пекине, Харбине, Шанхае, Тяньцзине, это более тысячи наименований! Такое количество изданий нас не должно удивлять: ещё до революции русское население только лишь Маньчжурии составляло около 200 тысяч человек; в 23 году, после поражения белых в Сибири, общее число русских в Китае и Маньчжурии возросло, по оценкам исследователей, до 400.000 человек.

Читать каталог интересно именно подряд. Какой широкий диапазон интересов, религиозных и политических взглядов! От изданий Русской Духовной Миссии в Пекине – до “Агни-Йоги”; от замечательной книги генерал-майора Е. К. Вишневого, насильно депортированного в СССР и там погибшего, “Аргонавты белой мечты” – до брошюры “Младоросское становление” (автор Н. В. Петерц); от книг Пушкина и уникального издания “Пушкинские дни в Шанхае. 1837-1937” – до “Книги прикладных знаний по женскому рукоделию” К. П. Сабуровой... Сколько совершенно забытых имен! Кто помнит М. Сиротинского, автора романа “Арбузы. Из прошлого”? Кто читал роман К.В. Шендриковой “В паутине Шанхая”?... Приятно было прочесть краткую справку о многим в Аргентине знакомом В. Э. Понтовиче, который с огромным трудом перевез свою библиотеку в 6 тысяч томов из Шанхая в Буэнос-Айрес; от внимательного взгляда исследователей не укрылось, что на нескольких книгах стоит штамп его библиотеки!

Возможно, кто-то из читателей “Нашей Страны” может рассказать о судьбе поэтессы Кшижанны Зо-роафра (настоящее имя Изидора Томашевна Орлова), которая из Китая эмигрировала в Аргентину, где ее следы затерялись? В Харбине в 1929 году был издан томик ее стихов “Черные иммертели”.

Второй том Каталога продолжает описание литературы, изданной в Китае. Поистине чудо, что в библиотеке Гавайского Университета сохранились уникальные экземпляры русской периодики. Русских газет и журналов в Китае издавалось просто море! Как сказано в предисловии к списку, только лишь в Харбине в 1918-1945 годах выходило 115 газет и 275 журналов.

Правда, многие издания были недолговечны и просуществовали от нескольких месяцев до года. В Каталоге описано 85 наименований периодических изданий, хранящихся на Гавайях. От некоторых изданий уцелел всего лишь один номер, другие представлены в коллекции достаточно полно. Знаменитые журналы “Рубеж” и “Жар-Птица”, “Штандарт” и просоветская “Эпоха”, “На Чужбине” и “Охота в Маньчжурии”, “Россия и Казачество” и “Русский Разведчик”...

Даны интереснейшие справки об издателях и редакторах, истории периодического издания и его политическом направлении.

Следующий раздел второго тома

вообще уникален: он описывает детскую литературу. В отличие от Южной Америки, где детских книг и журналов практически не издавали, мы находим в Каталоге более 100 наименований, изданных в Китае! Там переиздавались, конечно, сказки Х. К. Андерсена и О. Уайльда, сказки Д. Н. Мамина-Сибиряка и басни И. А. Крылова, но было много и местных авторов. Например, сказку “Куклы” в 1924 году в Харбине написал А. Барам (штабс-ротмистр, начальник штаба охранной стражи А. М. Бар)!

Последний раздел второго тома содержит описание русских издательств и типографий в Китае, биографии издателей. Читается на одном дыхании!

Третий том Каталога посвящен совершенно не известным массовому читателю изданиям.

Если о том, что русские книги и периодика издавались в Австралии, мы что-то все-таки слышали (и некоторые журналы из Сиднея приходилось держать в руках), то о русских издательствах в Японии и на Филиппинах, а также о русских авторах из Кореи пришлось узнать впервые. В Японии число русских эмигрантов составляло всего несколько тысяч человек. Зачинателем русского книгоиздания в Японии был иеромонах (впоследствии архиепископ) Николай (Касаткин), открывший в 1861 году в Хакодате, при Российском Консульстве, первый православный приход в стране. Он начал издавать церковную литературу, по преимуществу на японском языке.

В Православной Миссии имелся гектограф, на котором большими тиражами, во время Русско-Японской войны, печатались книги для русских военнопленных, как церковные, так и светские. После окончания Гражданской войны русские беженцы создали свои общины в Токио, Йокогаме и Кобе. Там издавались учебники и словари японского языка, переводы на русский произведений японских писателей, путеводители и несколько периодических изданий научного характера, как, например, экономический ежемесячник “Русский Дальний Восток” с материалами о промышленности и полезных ископаемых этого региона.

Удивительно, как на Гавайях

попала книга японского писателя Кикучи “По ту сторону мести”, в переводе на русский язык М. П. Григорьева, изданная в Дайрене в 1941 году, со штампом книжного киоска В. С. Вербицкого на ул. Облигадо 2150 в Буэнос-Айресе?

В Корею (которая находилась в 1920-х годах под японским протекторатом) русской типографии не было, и ценный туд Архимандрита Феодосия “Российская духовная миссия в Корею. 1900-1925” был отпечатан в Харбине. Там же вышла из печати книга предпринимателя и охотника, жившего в Корею, Ю. М. Янковского “Полвека охоты на тигров”; сам автор был депортирован в СССР и умер в концлагере...

Специальный раздел посвящен русским изданиям на Филиппинах (остров Тубабао). Этот остров стал важным этапом в жизни русских эмигрантов, когда по окончании Второй Мировой войны они бежали из Китая. Эвакуация из “Красного Китая” происходила с начала 1949 года, было вывезено около 6 тысяч человек. На Филиппинах большинство беженцев застряло до 1951 года, ожидая визы в вожделенные США, сомнительную Австралию или пугавшую, очень уж далекую Аргентину... В Каталоге очень интересно рассказывается о быте беженцев, поисках бумаги для издания, отсутствии русских пишущих машинок... К несчастью, экземпляры полукустарных русских газет на Тубабао не сохранились в библиотеке на Гавайях. В собрании есть лишь три ротапринтных издания – стихи и сказки Ольги Алексеевны Скопиченко, получившей визу в США.

Последний раздел третьего тома Каталога посвящен русской печати в Австралии, и он тоже очень интересен.

Какие прекрасные иллюстрации в Каталоге! Это не иллюстрации, это просто поэма! А ведь всё очень просто – это перефотографированные (сканированные?) обложки русских изданий. С “ятами” и без “ятей”, с рисунками известных художников и картинками совсем наивными, они передают дух той старой, ушедшей в небытие эмиграции...

С нетерпением ждём выхода из печати четвертого тома Каталога, который должен быть посвящен русским изданиям на Тихоокеанском побережье США и в странах Южной Америки...

Влюблённые в издания русской эмиграции, их неугомонные собиратели-энтузиасты Патриция Полански и Амир Хисамутдинов

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЦЕРКОВНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

1. ДИНАМИТОМ ПО ЦЕРКВИ

Польша, возрожденная в 1919 году по Версальскому трактату, не вняла голосу истории и её урокам, а повторила всё те же традиционные, грубые, ошибки и насильственные акты по отношению к русскому православному населению, оказавшемуся на её территории. Во время 20-летнего существования этой республики (второй по счёту), она с одобрения Ватикана, вела упорную борьбу с православием, прибегая даже и к динамиту, при помощи которого взрывала православные храмы и святыни.

В 1927 году, после трехлетнего его постепенного разрушения, был взорван динамитом архитектурный шедевр, величественный православный собор в Варшаве. Он славился редчайшими мозаикой и фресками, погибла также превосходная мраморная облицовка стен, а с нею и колонны, сделанные из драгоценного мрамора. А изумительной обработки кирпич, специально изготовленный в Финляндии, пошёл на тротуары улиц Варшавы. Кроме него в Варшаве были разрушены православные соборы в Люблине, Калише, Влоцлавке, Полоцке и Кельцах. Военная церковь в Варшаве тоже подверглась разрушению, а не её месте был построен дом для танцуплек.

Сейм, санкционировавший разрушения, оправдывался тем, что мол эти храмы являлись наглядным памятником польской неволи, и потому подлежали уничтожению. Насильственное отбирание православных церквей при помощи полиции, часто приводило к пролитию крови, а правительство это вопиющее беззаконие мягко называло «ревиндикацией». В первый год по возникновению польского государства от православных было отнято более пятисот храмов.

Были случаи и кощунственного вандализма при молчаливом согласии властей, когда из полуразрушенных храмов выкидывали, вместе с разбитым престолом и иконостасом, иконы с церковной утварью. После отчуждения церковных земель и захвата церквей, священники с их семьями, очутившись на улице, начинали влачить полунищенский образ жизни.

Вплоть до начала Второй Мировой войны шло разрушение православных святынь. В 1938 году по распоряжению властей «Пресветлой Республики Польской» была предана сносу военная гарнизонная церковь в Гродне и не вполне законченный величественный собор в Салостоке, доведённый однако до куполов. В основу постановления по разборке Александро-Невской церкви в Гродне легла такая мотивировка: православный храм препятствует правильному продвижению по площади, на котором был выстроен, а кроме того, эта площадь необходима городским властям для устройства на ней парадов.

Касательно православного собора в Белостоке, то тут «Serenissima», сбросив маску, предстала во всей своей неприглядной нагоде, пояснив, что храм своим «московитским» видом безобразит столицу польского короля Стефана Батория – венгра, не говорившего по-польски и ярого ненавистника всего русского. Для сноса этого храма, правительство прибегло к уже излюбленному и проверенному методу разрушения –

динамиту... чисто по-большевицки.

Кроме того, в рядах православного духовенства, как белого, так и чёрного, попадались прирождённые поляки, но то было незначительное меньшинство, которое, в свою очередь, проводило полонизацию православного богослужения и миссионерствовало в пользу «восточного обряда». Вот, что писал Дионисий, архиепископ Варшавский и митрополит незаконной Автокефальной Православной Церкви в Польше, всецело предавшийся власти предрержащим, по поводу 20-летия Польши – и это невзирая на массовые разрушения православных храмов на Холмщине и Подляшье весной и летом 1938 года: «Вознесём хвалу и благодарность Всемогущему за те благодеяния, которые Он ниспослал нашему отечеству, колена преклонённо просим Его об опеке и дальнейших благодеяниях и о ниспослании благословения великим и мудрым руководителям нашего государства». Риторика властолюбца Дионисия в его «laudatio» достигают срамного уровня советских патриархов, печатно пресмыкавшихся перед коммунистическими вождями.

Польская газета «Гонец Варшавский» приоткрыла карты сообщив, что разрушение православных храмов является согласованной акцией между польским правительством, польским католическим епископатом и... папским нунцием в Варшаве. Прав был польский историк писавший, что Польша всегда была проводницей агрессивной политики Ватикана – его рупором. А писатель Иосиф Мацкевич (1902-1985), главный редактор газеты «Слово», осуждал действия властей, подвергая их резкой критике и защищая 4-хмиллионное православное население Речи Посполитой.

Между прочим, он писал, что «если бы был депутатом Сейма, то

внёс бы предложение о предании правительства суду Верховного Трибунала». Были и такие честные люди среди поляков, но увы, это было ничтожное меньшинство.

Тот же публицист, в предчувствии грозных событий, упоминая Немезиду – богиню возмездия, писал: «Мы все, весь польский народ, почувствуем следствия этих ошибок». И действительно, грянула Вторая Мировая война. Польше, поверженной десницей Промысла Божия, пришлось эти исторические грехи неправды искупать великими страданиями.

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПОЛОНИЗАЦИЯ

Почти сразу по возникновению ультра-католической Польши, в августе 1921 года, по приглашению её правительства, прибыл в Варшаву из Италии архиепископ Георгий Ярошевский. Видно по указке Рима, сей иерарх был переизбран польским правительством, как и епископы Пантелеймон и Дионисий, с которыми только и вели польские власти переговоры о конкордате и об автокефалии... и это при наличии других епископов, которые игнорировались.

Пан Ратай, министр Исповеданий, без обиняков объявил этим трём епископам, что «польское правительство не мыслит иного управления Православной Церковью в Польше, как на началах автокефалии», то есть устанавливался абсолютный над ней контроль. На пост главы Православной Церкви польским правительством намечался архиепископ Георгий, который со своими оппонентами по церковной линии – при поддержке властей – обходился круто, вплоть до нарушения церковных канонов, что впоследствии испытал на себе епископ Пантелеймон и целый ряд других особ. Русское православное население

Польши, в своей массе, было настроено против автокефалии и её насильственного и незаконного насаждения, ибо понимало, что вместо нормализации правильной церковной жизни, она, через полонизацию, украинизацию, униатизацию, белоруссизацию видоизменит традиционный лик православия, заменив его каким-то польско-римским суррогатом, угодным правительству.

После трагической смерти митрополита Георгия, последовавшей 8 февраля 1923 года, на вдовствующую митрополицию кафедру был избран по согласию правительства... и с благословения Вселенского Патриарха Мелетия IV-го, бывший Кременецкий архиепископ Дионисий Валединский – послушный проводник, при соучастии Мелетия, полонизации русской диаспоры в этой стране.

Во время Второй Мировой войны ему был присвоен красочный но по сути пустой титул «Патриарха Украины», а после её конца, эта скользкая личность перекинулась к советскому патриарху, с надлежащим покаянием. Вскользь заметим, что на землях бывшей Киевщины, захваченных нацистами, образовались три самозванные церковные группировки ширых украинских самостийников: автокефалистов, автономистов и... самосвяттов. И вот одному из них, Дионисию, этому крайнему честолюбцу и властелюбцу, был дарован этот дырявый патриарший титул.

Автокефалист Дионисий до некоторой степени перекликается с австрийским «красным эрцгерцогом», который сразу после Первой Мировой войны мечтал стать «королём Украины». Австрийский генеральный штаб, как и Польша, за которой стояла вся Европа – творцы украинского самостийничества.

Польское правительство, принимая во внимание шаткое, неустойчивое положение Святейшего Патриарха Московского Тихона, оказывало соответствующее давление на продавшихся ляхам епископов, при содействии которых оно хотело водворить автокефалию в Польше, то есть отторгнуть Киевскую Митрополию – духовную дочь российской Церкви-Матери.

Одним из самых главных условий, согласно канонам, для получения законной автокефалии, требуется благословение, то есть согласие Матери-Церкви, а Святейший Патриарх Московский Тихон его не давал, видя в этом незаконном акте попрание священных законов. Вот что писал он по этому поводу, приводя аргументацию поясняющую его категорический отказ и его отрицательное отношение к вопросу об автокефалии: «Священные каноны нашей Церкви предусматривают автокефалию для отдельных самостоятельных народов. Если бы польский народ, получивший недавно суверенность, был православный и просил автокефалию для себя, мы бы ему в этом не отказали, но давать автокефалию для разноплеменных православных, проживающих в пределах польского государства на положении национальных и религиозных меньшинств, нам не позволяет ни здравый разум, ни священные каноны. Что возможно, то Мы уже дали православным в Польше – широкую поместно-церковную автономию».

Граф А. Коновницын

Мемориальная доска Колчаку в Петербурге, установленная Центром "Белое Дело", подверглась нападению красных вандалов...